

АЛЕКСАНДР
ДЮМА

Королева Марго

МОСКВА

УДК 821.133.1-311.3
ББК 84(4Фра)-44
Д96

Alexandre Dumas
LA REINE MARGOT

Перевод с французского *Елены Любимовой*

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

Дюма, Александр.
Д96 Королева Марго / Александр Дюма ; [перевод с французского Е. Любимовой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 736 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-229851-6

«Королева Марго» — один из самых значительных исторических романов Александра Дюма, в котором человеческая судьба оказывается неотделимой от трагического хода истории.

На фоне религиозных войн и политических распрей Франции XVI века разворачивается повествование о власти, насилии и хрупкости человеческой жизни. В центре романа — Маргарита Валуа, принцесса крови, выданная замуж во имя государственного расчёта. Её брак, призванный стать символом примирения, оборачивается прологом к Варфоломеевской ночи — событию, навсегда изменившему судьбы героев и саму ткань эпохи.

УДК 821.133.1-311.3
ББК 84(4Фра)-44

© Любимова Е.Н., перевод на русский язык.
Наследники, 2026

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-229851-6

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

ЛАТЫНЬ ГЕРЦОГА ДЕ ГИЗА

В понедельник восемнадцатого августа 1572 года в Лувре был большой праздник.

Обыкновенно темные окна старинного жилища королей были ярко освещены, а близлежащие площади и улицы, как правило, пустынные, едва лишь колокол церкви Сен-Жермен-л'Осеруа бил девять часов вечера, теперь кишели народом, хотя была уже полночь.

Густая, грозная, шумная толпа в темноте напоминала мрачное взволнованное море, где каждая волна превращалась в рокочущий вал; это море, хлынувшее на улицу Фоссе-Сен-Жермен и улицу Астриус, заливало набережную, прилиvalo к подножию луврских стен и отливало к цоколю Бурбонского дворца, стоявшего напротив.

Несмотря на то, что это был королевский праздник, а быть может, именно потому, что это был королевский праздник, что-то грозное чувствовалось в народе: он не сомневался, что это торжество, на котором он присутствует только как зритель, — лишь пролог к другому, отложенному на неделю торжеству, где он сам будет желанным гостем и повеселится от всей души.

Двор праздновал свадьбу Маргариты Валуа, дочери короля Генриха II и сестры короля Карла IX, с Генрихом

Бурбоном, королем Наваррским. Утром кардинал Бурбон, по обряду, установленному для французских принцев, обвенчал жениха и невесту на помосте, воздвигнутом перед воротами собора Парижской Богоматери.

Этот брак изумил всех, а людей наиболее дальновидных заставил серьезно задуматься. Трудно было понять сближение двух таких ненавистных друг другу партий, какими были в то время протестантская и католическая партии. Люди спрашивали себя, как может молодой принц Конде простить брату короля, герцогу Анжуйскому, смерть своего отца, которого убил при Жарнаке Монтескью. Люди спрашивали себя, как может молодой герцог де Гиз простить адмиралу Колиньи смерть своего отца, которого убил под Орлеаном Польтро де Мере. Более того, Жанна Наваррская, мужественная супруга безвольного Антуана Бурбона, устроившая свадьбу своего сына Генриха с дочерью французского короля, умерла всего лишь два месяца тому назад, и о причине ее внезапной смерти ходили странные слухи. Всюду поговаривали шепотом, а кое-где и громко о том, что ей стала известна какая-то страшная тайна и что Екатерина Медичи, боявшаяся разоблачения этой тайны, отравила королеву Жанну надушенными перчатками, которые изготовил некий флорентиец Рене, великий искусник в такого рода делах. Эти слухи распространялись и усиливались еще и потому, что после смерти великой королевы двум врачам, в том числе и знаменитому Амбруазу Паре, приказали, по желанию сына умершей, вскрыть и исследовать ее тело, но не мозг. А так как Жанну Наваррскую отравили запахом, то именно в мозгу могли быть обнаружены следы преступления. Мы говорим «преступления», ибо никто не сомневался, что здесь было совершено преступление.

Но это еще не все. Король Карл настойчиво, упорно стремился устроить этот брак, который должен был не только восстановить мир в королевстве, но и привлечь в Париж всех протестантских вождей. Так как жених был

протестант, а невеста — католичка, необходимо было испросить разрешение на брак у Григория XIII, занимавшего в то время папский престол. Разрешение задерживалось, это сильно беспокоило Жанну д'Альбре, и однажды в разговоре с Карлом она выразила опасение, что разрешение, пожалуй, не придет совсем. Король на это ответил так:

— Не волнуйтесь, дорогая тетушка, вас я уважаю больше, чем папу, а сестру люблю больше, чем боюсь его. Я не гугенот, но и не глупец, и если папа будет валять дурака, я сам возьму Марго за руку и поведу ее венчаться с вашим сыном по обряду протестантской церкви.

Эти слова разнеслись из Лувра по городу, очень обрадовали гугенотов и заставили серьезно задуматься католиков, втихомолку спрашивавших друг друга, предаст их король на самом деле или разыгрывает комедию, которая в один прекрасный день или прекрасную ночь обретет неожиданную развязку.

И уж совершенно непостижимым было отношение Карла IX к адмиралу Колиньи, который в течение пяти или шести лет вел с королем ожесточенную войну. Король, назначивший пятьдесят тысяч экю золотом в награду за голову адмирала, теперь чуть не клялся его именем, называл его отцом и во всеуслышание заявлял, что именно его назначит главнокомандующим в предстоящей войне. Сама Екатерина Медичи, до сих пор направлявшая действия, волю, чуть ли не желания молодого монарха, встревожилась, и не без причины, в порыве откровенности Карл IX сказал адмиралу о Фландрской войне:

— Отец, тут есть еще одно обстоятельство, которое требует, чтобы мы были очень осторожны. Ведь вы знаете, что королева-мать всюду сует свой нос, но об этом деле она пока ничего не знает, поэтому мы должны все держать в тайне, чтобы королева ни о чем и не подозревала, а то она со своей сварливостью испортит наше дело.

При всем своем уме и опытности Колиньи все же не мог полностью скрыть от других, как безгранично до-

веряет ему король. И хотя в Париж он приехал с серьезными подозрениями, и хотя, когда он выезжал из Шатийона, одна крестьянка умоляла его на коленях: «Добрый наш господин, не ездят ты в Париж; и тебя, и всех, кто поедет с тобой, там убьют!», мало-помалу эти подозрения растаяли и в его сердце, и в сердце его зятя де Телиньи, к которому король проявлял самые дружеские чувства, называл его братом, как называл отцом адмирала, и говорил ему «ты», а говорил он «ты» только самым близким своим друзьям.

Таким образом, все гугеноты, за исключением нескольких угрюмых и недоверчивых личностей, совершенно успокоились. Смерть королевы Наваррской объяснили воспалением легких, и просторные залы Лувра заполнили мужественные гугеноты, которым брак их юного вождя Генриха сулил совершенно неожиданный счастливый поворот судьбы. Адмирал Колиньи, Ларошфуко, принц Конде-сын, де Телиньи — словом, все вожди партии торжествовали, видя, какой огромный вес приобретали в Лувре и как радушно были приняты в Париже те самые люди, которых три месяца назад король Карл и королева Екатерина собирались вешать на виселицах повыше, чем виселицы для простых убийц. Одно только маршала де Монморанси напрасно стали бы искать среди его собратьев, никакие обещания не могли соблазнить его, никакая видимость — обмануть, и он удалился в свой замок Иль-Адан, извиняя свое затворничество скорбью о гибели отца, коннетабля Анна де Монморанси, которого застрелил из пистолета Роберт Стюарт в битве при Сен-Дени. Но так как с тех пор прошло больше трех лет, а чувствительность не принадлежала к числу добродетелей того времени, то каждый думал об этом чрезмерно продолжительном трауре все, что ему заблагорассудится.

К тому же, по всей видимости, маршал де Монморанси ошибался, и король, и королева, и герцог Анжуйский,

и герцог Алансонский с великим почетом принимали гостей на королевском празднестве.

Герцог Анжуйский выслушивал от самих гугенотов вполне заслуженные хвалы за битвы при Жарнаке и Монконтуре, которые он выиграл, будучи неполных восемнадцати лет от роду, — выиграл раньше, чем начали побеждать Цезарь и Александр Македонский, с которыми его сравнивали, отдавая, само собой разумеется, пальму первенства ему, а не победителям при Иссе и Фарсале. Герцог Алансонский посматривал на все это глазами ласковыми и лживыми, а королева Екатерина сияла от радости и с приторной любезностью поздравляла Генриха Конде с его недавней женитьбой на Марии Клевской. Даже Гизы улыбались страшным врагам их рода, и герцог Майеннский обсуждал с Таванном и адмиралом Колиньи предстоящую войну с Филиппом II, о которой в это время разговоров было больше, чем когда бы то ни было.

Между этими группами людей, потупив голову и вслушиваясь в разговоры, бродил девятнадцатилетний юноша с пронизательным взглядом, лукавой улыбкой, с черными, коротко подстриженными волосами, густыми бровями, с орлиным носом, с едва пробившимися усиками и бородой. Этот молодой человек, успевший пока отличиться только в битве при Арне-ле-Дюк, где храбро дрался, не щадя себя, а теперь принимавший бесконечные поздравления, был любимым учеником адмирала Колиньи и героем дня; три месяца назад, при жизни матери, он именовался принцем Беарнским, а после ее смерти получил титул короля Наваррского и носил его до тех пор, пока не стал именоваться Генрихом IV.

Временами темное облачко скользило по его лицу, очевидно, он вспоминал смерть матери, умершей всего лишь два месяца назад, и нисколько не сомневался, что ее отравили. Но это облачко проносилось легкой тенью и исчезало, оно набегало оттого, что те самые люди, которые сейчас толпились около Генриха, заговаривали с ним

и поздравляли, были убийцами мужественной Жанны д'Альбре.

В нескольких шагах от короля Наваррского, столь же задумчивый, столь же встревоженный, сколь веселым и беззаботным выглядел Генрих, стоял и беседовал с Телиньи молодой герцог де Гиз. Герцог был счастливее Беарнца, в свои двадцать два года он уже прославился почти так же, как его отец, великий Франсуа де Гиз. Это был изящный вельможа высокого роста, с гордым, надменным взглядом, с такой врожденной величавостью, что, как утверждали многие, другие вельможи в его присутствии казались простолюдинами. Несмотря на его молодость, вся католическая партия видела в нем своего вождя, так же как протестантская партия видела своего вождя в юном короле Наваррском, портрет которого мы только что набросали. Прежде герцог Гиз носил титул герцога Жуанвильского и первое боевое крещение получил во время осады Орлеана под командованием своего отца, который умер у него на руках, указав на адмирала Колиньи как на своего убийцу. Юный герцог, подобно Ганнибалу, дал торжественную клятву, он поклялся отомстить адмиралу и всему его роду за смерть отца, безжалостно и неусыпно преследовать врагов своей религии и дал обет Богу стать Его ангелом-мстителем на земле до того дня, пока не будет истреблен последний еретик. А теперь все с великим изумлением видели, что герцог, обычно верный своему слову, пожимает руки своим заклятым врагам и по-приятельски беседует с зятем того, кого он обещал умирающему отцу уничтожить.

Но мы уже сказали, что это был удивительный вечер.

В самом деле, если бы на этом празднестве вдруг очутился особо одаренный наблюдатель, способный видеть будущее, чего, к счастью, не дано людям, и способный читать в душах, что, к несчастью, дано лишь Богу, он, конечно, наслаждался бы самым любопытным зрелищем, какое только может представить вся печальная человеческая комедия.

Но если такой наблюдатель отсутствовал в луврских галереях, то он был на улице, там раздавался его грозный рапорт и горели его глаза. То был народ, с его чутьем, обостренным ненавистью, он издали глядел на силуэты своих непримиримых врагов и толковал их чувства так же простодушно, как это делает любопытный прохожий, глядя в запертые окна зала, где танцуют. Танцоров опьяняет и влечет за собой музыка, любопытный видит только движения и, не слыша музыки, потешается над тем, как скачут эти марионетки.

Музыкой, опьянявшей гугенотов, был голос их удовлетворенной гордости.

Огни, вспыхивавшие в глазах парижан и сверкавшие во мраке ночи, были молниями ненависти, озарявшими грядущее.

А во дворце все веселились по-прежнему, как вдруг по всему Лувру пронесся особенно ласковый и мягкий говор: сняв подвенечный наряд, длинную вуаль и мантию, юная новобрачная вошла в зал вместе с красавицей герцогиней Неверской, своей лучшей подругой, и с братом, Карлом IX, который вел ее за руку и представлял наиболее почетным гостям.

То была дочь Генриха II, то была жемчужина французской короны, то была Маргарита Валуа, которую Карл IX, питавший к ней особую нежность, обычно звал «сестричкой Марго».

Никому не оказывали такого восторженного приема столь заслуженно, как королеве Наваррской. Маргарите едва исполнилось двадцать лет, а уже все поэты пели ей хвалу; одни сравнивали ее с Авророй, другие — с Киферой¹. По красоте ей не было равных даже здесь, при таком дворе, где Екатерина Медичи старалась подбирать на роль своих сирен самых красивых женщин, каких только могла

¹ То есть с Афродитой (Венерой), один из храмов которой находился на о. Кифера. (Здесь и далее прим. пер.)

найти. У нее были черные волосы, изумительный цвет лица, чувственное выражение глаз с длинными ресницами, тонко очерченный алый рот, стройная шея, роскошный гибкий стан и маленькие, детские ножки в атласных туфельках. Французы гордились тем, что на их родной почве вырос этот удивительный цветок, а иностранцы, побывав во Франции, возвращались к себе на родину ослепленные красотой Маргариты, если им удавалось повидать ее, и пораженные ее образованием, если им удавалось с ней поговорить. И в самом деле, Маргарита была не только самой красивой, но и самой образованной женщиной своего времени. Вот почему нередко вспоминали слова одного итальянского ученого, который был ей представлен и который, побеседовав с ней целый час по-итальянски, по-испански, по-гречески и по-латыни, в восторге сказал: «Побывать при дворе, не повидав Маргариты Валуа, — значит не увидеть ни Франции, ни французского двора».

Не было недостатка и в торжественных речах, обращенных к королю Карлу IX — известно, сколь многословны были гугеноты. В эти торжественные речи ловко вкраплялись и намеки на прошлое, и пожелания на будущее. Но Карл IX с хитрой улыбкой на бледных губах отвечал на все намеки одно и то же:

— Отдавая мою сестру Генриху Наваррскому, я отдаю и мое сердце всем гугенотам моего королевства.

Такой ответ одних успокаивал, у других вызывал улыбку своей двусмысленностью: его можно было понять как отеческое отношение короля ко всему народу, хотя Карл IX не собирался придавать своей мысли такую широту, можно было придать ему и другой смысл, оскорбительный для новобрачной, для ее мужа, да и для самого Карла, так как его слова невольно вызывали в памяти скандальные слухи, которыми дворцовая хроника уже успела запятнать брачные одежды Маргариты Валуа.

Как мы уже сказали, герцог де Гиз беседовал с де Телиньи, но беседа поглощала не все его внимание, время

от времени он оборачивался и бросал взгляд на группу дам, в центре которой блистала королева Наваррская.

И всякий раз, как глаза королевы встречались с глазами молодого герцога, тень набегала на ее красивое лицо, над которым образовывало ореол трепетное сверкание алмазных звезд, и какое-то непонятное желание проглядывало сквозь ее волнение и тревогу.

Принцесса Клод, старшая сестра Маргариты, несколько лет назад вышедшая замуж за герцога Лотарингского, заметила, что сестра встревожена, и стала продвигаться к ней, желая спросить, что случилось, но тут все гости раступились, давая дорогу королеве-матери, входившей под руку с молодым принцем Конде, и оттеснили принцессу Клод от сестры. Герцог де Гиз воспользовался движением толпы, чтобы подойти поближе к герцогине Неверской, своей невестке, а вместе с тем и к Маргарите. В ту же минуту герцогиня Лотарингская, не терявшая из виду королеву, заметила, как тень тревоги, омрачившая ее лицо, исчезла, а на щеках вспыхнул яркий румянец. Когда же герцог, все ближе продвигаясь к Маргарите, наконец оказался в двух шагах от нее, она скорее почувствовала, чем увидела его, и, сильным напряжением воли придав своему лицу выражение беспечное и спокойное, повернулась к герцогу. Герцог почтительно приветствовал ее и с низким поклоном тихо сказал ей по-латыни:

— *Ipse attuli*. Это значит: «Я принес» или «Я сам принес».

Маргарита сделала реверанс и, выпрямляясь, ответила тоже по-латыни:

— *Noctu pro more*. Это значит: «Сегодня ночью, как всегда».

Эти отрадные слова, ушедшие в плоеный, очень широкий ворот королевы, как в воронку рупора, не были услышаны никем, кроме того, кому они были сказаны, но, несмотря на краткость разговора, они успели сообщить друг другу то, что хотели. Обменявшись этими

словами, они расстались — Маргарита с мечтательным выражением лица, а герцог — повеселевший после встречи с нею. Но тот, кому следовало бы весьма серьезно заинтересоваться этой сценой, то есть король Наваррский, не обратил на нее ни малейшего внимания, — глаза его не видели уже ничего, кроме одной женщины, собравшей вокруг себя почти такой же многочисленный кружок, как и Маргарита Валуа, — красавицы госпожи де Сов.

Шарлотта де Бон-Санблансе, внучка несчастного Санблансе¹ и жена Симона де Физа, барона де Сов, была придворной дамой Екатерины Медичи и одной из самых опасных ее помощниц в тех случаях, когда королева, не решаясь ополить врага флорентийским ядом, старалась опьянить его любовью. Маленькая блондинка, то искрившаяся жизнью, то исполненная грусти, но всегда готовая к любви и к интриге — двум основным занятиям придворных при трех французских королях, сменивших друг друга за последние пятьдесят лет, — госпожа де Сов была женщина в полном смысле слова, во всем обаянии этого творения природы, начиная с синих глаз, порой томных, порой горевших огнем, до кончика ее игривых точеных ножек, обутых в бархатные туфельки. За какие-нибудь несколько месяцев она успела овладеть всем существом короля Наваррского, еще новичка и в политике и в любви, потому-то Маргарита Валуа с ее роскошной, царственной красотой не вызвала у своего супруга даже восхищения. И было нечто странное даже для такой темной, таинственной души, как душа Екатерины Медичи, и поражающее всех: дело в том, что королева-мать, твердо поставив своей целью брачный союз между своей дочерью и королем Наварским, в то же время почти открыто поощряла его любовь к госпоже де Сов. Но, несмотря на столь силь-

¹ Жак де Санблансе (около 1457–1527) — министр финансов при Людовике XII и Франциске I; видимо, несправедливо обвиненный в растрате, был повешен.

ную поддержку и на легкость нравов той эпохи, красавица Шарлотта все еще упорствовала, и это невиданное, неслыханное, непостижимое упорство больше, чем ум и красота упрямцы, возбудило в сердце Беарнца такую страсть, которая, не находя удовлетворения, замкнулась в самой себе, вытеснив из сердца юного Генриха и застенчивость, и гордость, и даже беспечность, бравшую начало частично в его мировоззрении, частично в его лени и составляющую основу его характера.

Госпожа де Сов явилась в бальный зал лишь несколько минут назад. С досады или от огорчения, она сначала решила не присутствовать при торжестве своей соперницы и под предлогом нездоровья отправила в Лувр мужа, занимавшего пост государственного секретаря уже пять лет, одного. Но Екатерина Медичи, заметив, что барон де Сов явился один, спросила, почему отсутствует ее любимица Шарлотта; услышав, что у госпожи де Сов всего-навсего легкое недомогание, она черкнула ей несколько слов, предлагая явиться, и баронесса поспешила исполнить ее требование. Генрих, сначала очень огорченный отсутствием госпожи де Сов, все-таки почувствовал себя свободнее, когда увидел, что барон де Сов пришел без жены. Потеряв надежду встретиться с нею, Генрих вздохнул и уже решил подойти к милой женщине, которую был обязан если не любить, то почитать своей женой, как вдруг увидел в конце галереи госпожу де Сов, он замер на месте, не спуская глаз с этой Цирцеи, приковавшей его к себе волшебной цепью, и, после некоторого колебания, вызванного скорее неожиданностью, чем осторожностью, вместо того чтобы подойти к жене, пошел навстречу баронессе.

Придворные видели, что король Наваррский идет к красавице Шарлотте, и, зная, как пылко его сердце, деликатно удалились, чтобы не мешать их встрече. И как раз в то время, когда Маргарита Валуа и герцог Гиз обменивались уже известными нам латинскими словами,

Генрих подошел к госпоже де Сов и тоже заговорил, но заговорил на французском языке, вполне понятном, несмотря на его гасконский акцент, и разговор этот был, во всяком случае, куда менее таинственным, чем вышеприведенный.

— А-а! Душенька моя! — сказал он ей. — Вы появились в ту самую минуту, когда мне сказали, что вы больны, и я потерял надежду вас увидеть!

— Ваше величество! Не пытаетесь ли вы убедить меня, что потеря этой надежды дорого вам стоила? — спросила госпожа де Сов.

— Господи боже! Еще бы не дорого! — отвечал Бернец. — Разве вы не знаете, что днем вы мое солнце, а ночью — моя звезда? Честное слово, я был в непроглядном мраке, но вот явились вы и сразу озарили все вокруг.

— В таком случае, ваше величество, я играю с вами злую шутку.

— Что вы хотите этим сказать, душенька? — спросил Генрих.

— Я хочу сказать, что, когда вам принадлежит самая красивая женщина во Франции, вы можете желать только одного — чтобы свет погас и наступил мрак, ибо во мраке вас ждет блаженство.

— Вы прекрасно знаете, злючка, что мое блаженство в руках только одной женщины, а эта женщина играет и забавляется несчастным Генрихом.

— О-о! А мне вот кажется, что эта женщина была игрушкой и забавой для короля Наваррского, — сказала баронесса.

Эти злобные выпады испугали было Генриха, но он рассудил, что они выдают досаду, а досада — маска любви.

— Дорогая Шарлотта, — сказал он, — по чести, ваш упрек несправедлив, и я не понимаю, как может такой красивый ротик говорить так зло. Неужели вы думаете, что в этот брак вступаю я? Клянусь чем угодно, не я!

— Уж не я ли? — язвительно ответила она, если можно назвать язвительными слова женщины, которая вас любит и упрекает за то, что ее не любите вы.

— И этими прекрасными глазами вы видите так плохо? Нет, нет, не Генрих Наваррский женится на Маргарите Валуа.

— А кто же?

— О господи! Реформатская церковь выходит замуж за папу, вот и все.

— Нет-нет, ваше величество, меня не ослепить блестящим остроумием: вы любите королеву Маргариту, и это не упрек, боже сохрани! Она так хороша, что не любить ее невозможно.

Генрих задумался на минуту, и пока он размышлял, добрая улыбка заиграла в уголках его губ.

— Баронесса, — заговорил он, — мне кажется, вы хотите поссориться со мной, но вы не имеете на это права: скажите, сделали вы хоть что-нибудь, что помешало бы мне жениться на Маргарите? Ничего! Напротив, вы то и дело приводили меня в отчаяние.

— И благо мне, ваше величество!

— Это почему же?

— Да потому, что сегодня вы соединяетесь с другой.

— Оттого, что вы меня не любите.

— А если бы я полюбила вас, государь, через час мне пришлось бы умереть.

— Умереть через час? Что это значит? И от чего?

— От ревности... Через час королева Наваррская опустит своих придворных дам, а ваше величество — своих придворных кавалеров.

— И мысль об этом действительно вас огорчает, душенька?

— Этого я не сказала. Я сказала: если бы я любила вас, то эта мысль страшно огорчала бы меня.

— Хорошо! — вне себя от радости воскликнул Генрих: ведь это было признание, первое признание в люб-